

Евгений КИСИН

Холодный виртуоз и медные трубы оваций

Концерты пианиста Евгения Кисина в Москве, сам факт его возвращения на Родину и получения премии «Триумф» вызвали шквал восторженных откликов. Благодаря прессе и ТВ Кисин превратился в поп-звезду. Но есть и более осторожные взгляды на его выступления

Уже сама программа с явной тенденцией к виртуозности вызвала некоторую настороженность. Были объявлены: «Чаконна» Баха—Бузони, «Токката» и «Крейслериана» Шумана, «Прелюдия», хорал и fuga Франка, четыре «Трансцендентных этюда» Листа — «Вечерние гармонии», «Метель», «Блуждающие огни», «Дикая охота». Все это вызвало ассоциации с отборочными турами какого-нибудь сильного международного фортепианного конкурса. Такие программы в концертах известных музыкантов сегодня редки. Вот и у Кисина хотелось послушать что-либо более глубокое, но...

Теперь о самих концертах. Я слушал первый из них. С первых звуков стало ясно, что Кисин находится в прекрасной пианистической форме. Все самые технически сложные пассажи были исполнены безукоризненно, в хорошем темпе. Завершение концерта показало, что он и в замечательной физической форме. Фактически состоялось третье, если не больше, отделение, также изобиловавшее труднейшими виртуозными пьесами.

Зал ревел от восторга, а мне было грустно. Если бы я услышал все это на конкурсе у мало кому известного пианиста, то тоже бы, вероятно, восторгался. Но Кисин не конкурсант — это ему ни к чему. Я помню его исполнение Первого фортепианного концерта Шопена в мае 1985 г. Это было по-настоящему замечательно. Явление Кисина в те годы переросло рамки появления очередного вундеркинда. То была заявка на гениальность. Вот по этой, самой высокой мерке я и оценивал услышанное в эти дни.

С огорчением должен признать, что в моем восприятии на этом концерте Кисин недотянул до той мерки. Сложилось ощущение, что я слушал компакт-диск, а не живой концерт в зале. Все звучало безупречно, темпы там, где это нужно, стремительны, ошибок я не услышал, но живого контакта с исполнителем не состоялось, хотя мне этого очень хотелось! Электрическая цепь между музыкантом и слушателем не была замкнута. Я ощущал между сценой и залом стеклянную стену, как в огромной студии звукозаписи. Даже сам характер звучания рояля был заметно суховат, как при CD-записи, когда пропадает часть обертонов, сообщающих звуку неповторимую окраску. Дабы проверить свои впечатления, я сразу после концерта поделился ими с несколькими музыкантами и слушателями — глубокими ценителями. Во многом они согласились со мной. Временами при форте в высоком регистре слышался царапающий деревянный звук. В «Блуждающих огнях» быстрый, а порой даже слишком быстрый темп подменил так необходимую при этом этюде зыбкость и эфемерность звучания. Были издержки вкуса в построении даже этой виртуозной программы.

Были ли удачи? Безусловно. Это первая треть «Метели» и вся «Дикая охота», которая завер-

шала основную программу, «Музыкальный момент» и «Военный марш», исполненные на «бис».

В течение всего огромного по длительности и труднейшего по исполнительским задачам концерта меня не оставляло впечатление эмоциональной скованности, можно даже сказать, холодности музыканта.

В чем же дело? Почему многим Кисин показался именно таким? Я попытался понять причины метаморфозы. Есть музыканты, которые связаны только с музыкой. Это истинные космополиты. Я использую этот термин без малейшего негативного оттенка. Они — граждане мира и не теряют глубинной связи с возраставшей их культурной почвой, даже территориально находясь вне ее границ. Для иных этой почвой является весь мир. По-видимому, Женя не таков и столь длительный разрыв с российской музыкальной и иной культурой, особенно в период творческого и личностного созревания, не прошел для него бесследно. Другую причину я вижу в том, что по сей день Кисин находится под постоянным влиянием своего школьного педагога. Безусловно, А. П. Кантор — педагог блестящий. Даже учитывая, что в ее руках оказался такой драгоценный самоцвет, наделенный от природы пианистическим талантом, как Кисин, нельзя не признать, что ограничила и придала ему совершенную форму именно Анна Павловна! Но, вероятно, нельзя без ущерба для художественной самобытности слишком долго находиться в атмосфере школы. Насколько мне известно, Кисин практически не прошел курса у какого-либо известного крупного концертирующего пианиста, а ему это, как видно, необходимо, поскольку его музыкальная зрелость пока еще отстаёт от зрелости технической.

Безусловно, каждый музыкант имеет право сам выбирать направление своего развития и сферу приложения своего таланта, а в случае Кисина, даже можно сказать, гения. Да и слушатели тоже всегда в первую очередь возносят на пьедестал именно виртуозов и тоже имеют на это право. Такое искусство воспринимается гораздо легче, оно не требует в такой степени работы души и духа, как в случаях музыкантов, пожинающих успех, может быть, и не такой шумный, на полях созерцания и глубины. Но именно в этом отличие настоящего золота от позолоты, а как писал Андерсен в «Старом доме»: «Да, позолота-то сотрется, свинья ж кожа остается!» Очень хочется надеяться, что Кисин преодолет искус внешнего успеха и вернется к глубине, но уже не на основе юношеской интуиции, а на окрепших крыльях духа и интеллекта, когда его фантастическая виртуозность станет только инструментом, но не самоцелью. Дай-то Бог!

● Олег ПШЕНИЧНЫЙ